

фантастическая
история

Книги Алексея Фомина
в серии «Фантастическая История»

Цикл

«Миры «новой хронологии»

ВРЕМЯ МОСКОВСКОЕ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЕЛИКОГО ВОЕВОДЫ

МОСКВА, 2012

фантастическая
история

Алексей Фомин
Возвращение
великого воеводы

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ф76

Фомин А. Н.
Ф76 Возвращение великого воеводы: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 312 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1194-8

Могущественный враг предпочитает действовать исподтишка? Ответь ему тем же! Только будь еще хитрее. Найди его и бей наверняка! Бывший студент Саша Ракитин вынужден вновь отправиться в непредсказуемый мир русского Средневековья, ведь у него там осталось множество незаконченных дел. И важно не просто выжить и обустроиться в этом мире придворных интриг, постоянных стычек, больших и малых войн, но и разыскать своего главного врага.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1194-8

© Фомин А. Н., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

Шурик Пудовалов и сам не понял, чего их понесло в эту Сходненскую пойму. Это Димыч всех взбаламутил. Вчера вроде договаривались поехать в Серебряный Бор — отпраздновать окончание сессии. Экзамен, главное, прошел на ура. Препод нормальный попался. Поставил всем и без всяких денег. Собрал зачетки и всем нарисовал. Блаженный, наверное. А может, торопился просто куда-то. Для Шурика это было настоящим подарком судьбы. Он из-за своей долбаной работы и названия предмета выучить не успел. Теоретические основы чего-то там. Цепей каких-то. Подарок — и подарок. Ладно.

Вышли все вместе на улицу, и тут Димыч вдруг говорит:

— Фигли нам этот Серебряный Бор сдался? Не посидишь нормально, не развлечешься. Плавать, что ли? Так плавать и в бассейне можно. Отстой полный. Поехали лучше в Сходненскую пойму. Там кустов много, а людей нет вообще. Шашлычок забацаем. И главное, никто мозги проедать не будет ни за костер, ни за что другое.

Шурик знал, Димыч там живет рядом, вот и тянет всех, чтоб потом издалека домой не тащиться.

— Какой шашлычок?! Ничего ведь нет с собой — ни мангала, ни шампуров, ни угля, — попробовал возразить он.

— Фигня вопрос. Счас ведерко замаринованного мяса возьмем, а остальное — все на месте. Там же дикая природа, Шурик. Тут тебе и дрова, и шампуры, а вместо мангала пару кирпичей приспособим.

— А купаться?

— Да купайся там сколько влезет. Чего тебе, целой реки мало?

А то не видел Шурик эту Сходню. С берега до берега — переплунуть можно. А самая большая глубина — по грудь в лучшем случае. Но дело даже не в этом. Просто Димыч своей идиотской безапелляционностью всегда раздражал Шурика. Он бы ни за что не согласился с ним, и вовсе даже не потому, что Сходня — речка-вонючка и таких речек по Москве больше сотни. И даже не потому, что ради такого сомнительного удовольствия надо было тащиться черт знает куда. Он бы не согласился просто потому, что это предложил Димыч. Даже несмотря на то, что все в принципе подержали Димыча.

Но тут к Шурику подошла Алка Фельц и, взяв его под руку, сказала:

— Да будет тебе ломаться, Шурик. Поехали.

В принципе он на Алку глаз давно положил. Но опять же работа. В универе Шурик бывал нечасто. Короче говоря, с Алкой они существовали в противофазе. И тут — такой аванс...

Сходненская пойма действительно оказалась симпатичным местечком: дикая природа, петляющая там и здесь речка и полное отсутствие посторонних глаз. По крайней мере, сегодня — в будний день. К тому же если учесть, что вся эта прелесть находится в глубоком овраге, из которого ни вы не видите город, ни город не видит вас, то создается полная иллюзия уединения и погружения в мир природного естества. Короче говоря, неплохое место и для шашлыков, и для прочих радостей жизни.

Когда с шашлыком и купанием-окунанием в основном было закончено, часть народа как-то незаметно рассосалась по окрестностям, оставив остальных баловаться пивасиком у потухшего костерка.

— А где это народ? — поинтересовался Шурик, ненадолго отходивший по естественной надобности.

— Гуляют... — как-то неопределенно ответила Алка.

Димыч запустил руку в коробку и, пошарив там, вытащил оттуда банку.

— Будешь? — предложил он Алке.

— Спасибо, Димыч, но мы лучше с Шуриком тоже прогуляемся — поищем место для купания получше. Здесь мелко.

Шурик понятливый, ему не надо повторять дважды. Он подал Алке руку, и они вместе отправились гулять.

— Подходящее местечко, — сказала Алка, когда они, порядком отойдя от своих, вышли на большую поляну, круто сбегаящую к самой реке.

Они спустились вниз, и Шурик даже шагнул уже в воду, когда Алка отняла у него свою руку.

— Ты чего? — не понял Шурик. — Глубину не будем смотреть?

— Что-то мне расхотелось купаться. Давай лучше здесь посидим. — Алка постелила на траву покрывало, неведомо откуда взявшееся у нее, и, опустившись на него, шаловливо поманила Шурика пальчиком.

Шурик не дурак, он сообразительный. Он сразу же плюхнулся рядом с Алкой, решительно обняв одной рукой ее за плечи, а вторую пристроив на ее загорелом, гладком бедре. Он еще не успел подумать о том, как ему действовать дальше, как Алка, обхватив его руками за шею, впилась в его губы страстным поцелуем и, мягко заваливаясь на спину, потянула его за собой. Тут уж Шурик сообразил, что пора ему взбираться на Алку, что он с успехом и проделал.

В этот самый момент, который смело можно назвать ключевым, она наконец оторвалась от его губ и мечтательно вздохнула:

— Ах, Шурик...

Слушайся Шурик Алки и своих инстинктов, и все бы у него было замечательно. Но он, вместо того чтобы неотрывно смотреть ей в глаза и шептать всякие милые глупости, зачем-то поднял голову вверх и глянул на поляну. Наверное, черт его попутал.

Над поляной, на фоне буйной зелени окружавших ее кустов и деревьев вдруг возник прямоугольник... Экрана? Нет, скорее это была голограмма. Желто-серая каменистая пустыня. И тут из этого прямоугольника-голограммы на поля-

ну выпрыгнул абсолютно голый мужик. Вроде тоже голограмма. Ну практически как живой. Шурик так увлекся созерцанием этой необычной картинки, что, совершенно забыв об Алке, придавил ее к земле всем весом своего немалого тела.

— Эй, Шурик, ты очумел? — барахталась Алка, пытаясь выбраться из-под столь неадекватно ведущего себя молодого человека.

Но Шурик не обращал никакого внимания на ее попытки спихнуть его, полностью сосредоточившись на необычной голограмме. Прямоугольник с пустыней вдруг свернулся, а голый мужик, оказавшись на поляне, интенсивно осматривался, словно оценивая обстановку. «А с чего бы тут голограмме взяться? Точно не голограмма, — наконец-то сообразил Шурик. — Живой мужик!»

Меж тем мужик, быстренько оглядевшись и словно обнаружив то, что искал, сорвался с места и побежал.

Взяв старт из положения лежа и едва не угробив при этом несчастную Алку, Шурик пустился за ним вдогонку. Преодолев в два прыжка наклонную часть поляны, он вновь увидел бегущего трусцой голыша и двух полицейских, бредущих ему навстречу. «Ну, счас они его...» — радостно подумал Шурик. Но голый мужик спокойно протрусил между ними и скрылся в кустах. Шурику даже показалось, что один из них отдал ему какой-то пакет. «Что за фигня», — возмутился он и решительным шагом направился к полицейским.

Он уже был в двух метрах от них, когда у одного сработала рация:

— Третий, третий, как у вас?

— Объект прошел, встречайте, — ответил полицейский.

— Вот голый мужик... — Шурик указал пальцем на кусты, в которых тот исчез. — Вы его видели? Он в воздухе материализовался. Возник из ничего. Надо с ним разобраться.

— Ты видел что-нибудь? — спросил один полицейский у другого.

Тот лишь недоуменно пожал плечами.

— Мало ли здесь голых бегают, — сказал он, обращаясь к Шурику. — Да вы и сами, уважаемый, не очень-то одеты. —

Это была чистая правда, ибо из одежды на Шурике были одни лишь плавки.

— Но как же... — принялся кипятиться Шурик. — Мужик... Голый... Из воздуха прямо... Проверить бы...

— Предъявите ваши документы, — жестко потребовал полицейский.

— Но... — смешался Шурик. — У меня там... — Он махнул рукой. — Мы компанией отдыхаем...

— Компанией?.. А вы знаете, что Сходненская пойма — это памятник природы? Что это — заповедная зона? Что здесь нельзя разводить костров, мусорить, и... много чего другого тоже нельзя? — еще грознее спросил полицейский. — Может быть, вы штраф заплатить хотите?

— Извините, но... — промямлил Шурик.

— Ладно, на первый раз мы вас прощаем. Идите и не попадайтесь больше на глаза, не то в следующий раз и штрафом не отделаетесь.

«Что мне, больше всех надо?» — подумал Шурик и, развернувшись, поплелся к Алке. Та встретила его пристально-испытующим взглядом.

— Понимаешь, Ал, мужик из воздуха материализовался, — принялся оправдываться он, торопясь и потому глотая окончания слов. — Тут менты... Я им — мужик из воздуха... А они мне...

Алка свернула покрывало и, сунув его под мышку, решительно направилась вверх по склону. Наверху остановилась и, обернувшись к Шурику, сказала как отрезала:

— Я, Шурик, думала, что ты просто со странностями. Теперь вижу: ты — ну полный придурок.

I

Свободного пространства уже практически не оставалось. Душная шершавая темнота заплела ноги и руки, сдавила грудь и мягкой варежкой легла на нос и губы. Дышать стало нечем, перед глазами поплыли яркие разноцветные круги. «Так сдуру и умереть можно во цвете лет!» — вспыхнула паническая мыслишка, будя заторможенный мозг.

Сашка резко рванулся, всплеснул руками, стараясь оттолкнуть душившую темноту, и... открыл глаза. Лицо его утонуло в пухлой перине, а сверху голову прикрывала большая, тяжелая подушка. Сашка отпихнул ее в сторону и, повернувшись на спину, сел в кровати. Первое, на чем сфокусировался его взгляд, — это счастливая, улыбающаяся физиономия Фленушки-Гертруды.

— Добро ли почивали, государь мой? — певуче произнесла она и совершенно по-хозяйски присела на край Сашкиной кровати.

Рассеянным взором Сашка обвел комнату, в которой он только что проснулся. «Ага, Фленушка. Значит, это все-таки четырнадцатый век, хотя комната... Нет, это точно не Ольгина спальня. Да и на любую другую комнату в ее доме эта комната не походит. Откуда б Ольге взять столько денег, чтобы затянуть все стены тисненной золотом кожей да завесить их фламандскими гобеленами?»

После похорон Мамаю и Микулы Сашка вместе с Ольгой отправился в ее имение, в Тушино, и зажил там спокойной, вольной жизнью штатского человека, свободного от каких-либо обязательств перед государством и лицами, его представляющими. Князь Дмитрий, сразу же после одержанной

его войском победы прозванный придворными лизоблюдями Донским, удалился в свою столицу Кострому праздновать, торжествовать и одаривать великокняжескими милостями приближенных. Его милости (по вполне понятной причине) Сашку нисколько не интересовали, так что следовать за великим князем он посчитал для себя необязательным. Дмитрий же, по своему обыкновению, вспоминал о своем великом воеводе лишь тогда, когда в нем возникала крайняя нужда.

Задание Лобова Сашка с треском (как он сам считал) провалил — ищи теперь Некомата по всему миру, как иголку в стоге сена. Ни одной ниточки, ведущей к нему, у Сашки не осталось. Так что и с этой стороны никаких срочных дел у него не было. Можно (и нужно) было возвращаться домой, в двадцать первый век. Там его ждали Лобов и новое задание. Новые путешествия во времени и новые схватки с теми, кого Вещая Гота назвала «слугами дьявола». Ничто его больше не задерживало в четырнадцатом веке.

Но это как посмотреть. Конечно, если считать любовь причиной мелкой и несерьезной для того, чтобы начать манкировать интересами дела, тогда, конечно... А если принять во внимание, что настоящему мужчине его любимая дорога не меньше, чем Родина, то... совсем даже наоборот. Целых три дня Сашка колебался, раздираясь душой между чувством и долгом. Решение пришло неожиданно и как-то само собой. «Ну, побуду я с Ольгой месяц, а в двадцать первом веке это — примерно одни сутки. Парадоксы времени. Да за одни сутки ничего, считай, там и не изменится, — пришла в исстрадавшуюся от сомнений Тимофееву голову спасительная мысль. — Вон уже сколько веков эти гады у нас, на Земле... И ничего, держимся. А тут — один день. Зато я с Ольгой хоть по-человечески попрощаюсь».

Счастливым месяцем, полным любви и неги, который вполне справедливо можно было бы назвать медовым, пролетел как один день. Печальная необходимость расставания с возлюбленной вновь возникла перед Сашкой. «Какого черта! — разозлился он сам на себя. — С чего это я решил, что Лобов зашлет меня в другое время? Да у нас и привязки материаль-

ной нет нигде больше, кроме как здесь. Да и... Даже если Лобов придумает что-нибудь новенькое, все равно буду настаивать, чтобы вернуться именно сюда. С тем же успехом я этого Рыбаса-Некомата могу и здесь искать...» Решение было принято, и оставалось только подготовить Ольгу к предстоящему расставанию. Сашка надеялся, что оно будет недолгим, но все же...

— Оленька... — начал он в одно прекрасное осеннее утро, когда они, проснувшись, едва успели поприветствовать друг друга легким утренним поцелуем.

— Да, милый...

— Оленька, мне нужно на некоторое время тебя покинуть.

— Ты хочешь вернуться на службу? Поехать к матери? Отправиться на охоту? Иль еще куда-нибудь? — забросала она его вопросами. — Не беспокойся, милый, я готова следовать за тобой всюду. Быть рядом с тобой иль в отдалении, как скажешь, но лишь бы видеть тебя каждый день, каждый час, каждую минуту.

— Нет, Оль, это не совсем то... — Сашка наморщил нос и почесал пятерней затылок, мучительно соображая, как преподнести женщине, живущей в четырнадцатом веке, информацию о путешествиях во времени и трансформациях в духовно-нематериальном мире. Скажешь правду — получишь, вполне возможно, весьма неожиданную реакцию. Что-нибудь наврешь... Нет, врать любимой женщине Сашке совсем не хотелось. Поэтому, слегка поразмыслив, он выбрал единственно верный (как ему показалось) путь — путь недомолвок и полуправды. — Ты, наверное, знаешь, еще пять лет назад я был... дурачком. Слышала?

Ольге говорить на эту тему, похоже, было не очень приятно, поэтому она всего лишь утвердительно кивнула, не сказав ни слова.

— Ну я так и думал, что найдутся доброжелатели — просветят, — непонятно чему обрадовался Сашка. — Так вот... И не дурачок я вовсе. Это болезнь у меня такая. Просто я начинаю плохо говорить, слюни иногда пускаю и... соображаю

туговато. Но я все понимаю! Надо мне только тщательно все растолковывать. Понимаешь?

Ольга вновь утвердительно кивнула, внимательно глядя на Сашку.

— Ну вот... — Он сделал небольшую паузу и судорожно сглотнул слюну, от волнения скопившуюся во рту. — Я чувствую, что болезнь ко мне возвращается. Нет, нет, ты не подумай, — испугался он, — это не навсегда, я знаю. Может быть, несколько дней, месяц, ну, год, в конце концов... Но я обязательно вновь стану тем человеком, которого ты любишь. — Ольга молчала, словно замороженная, сосредоточенно глядя Сашке прямо в глаза. — Нет, конечно... Если ты против, я сегодня же уеду к матери...

Все так же молча Ольга стремительно кинулась на Сашку и, обхватив его руками за шею, стиснула в своих объятиях.

— Тимоша, любимый, — зашептала она ему на ухо, — никуда не уезжай, оставайся со мной. Я от тебя не откажусь, несмотря ни на какие болезни. Дурачок ты иль разумный — ты мой. Я останусь с тобой, даже если придется ждать сто лет, пока к тебе вернется разум.

— Ну ладно, ладно, Оль... — уже несколько успокоившись, принялся отпихивать ее от себя Сашка. — Совсем задушила... — Ольга отпустила Сашкину шею, но с него так и не слезла. — Так вот, — продолжил он, — завтра болезнь у меня опять начнется. Сегодня я весь день еще буду обычным, лягу спать, а проснусь завтра... больным. Понимаешь?

Не произнеся ни словечка, Ольга вновь заключила его в объятия и впилась в губы долгим, хищным поцелуем.

Уже ближе к вечеру Сашка в конце концов взмолился:

— Слушай, Оль, может, перекусим чего-нибудь, а? Жрать хочется невыносимо.

— А любовь? Разве ты не сыт ею? — довольно промурлыкала Ольга, потягиваясь в кровати всем телом, как большая сильная кошка.

— Сыт, конечно... — смущенно промямлил он. — Но щец мясных с мозговой косточкой я сейчас, наверное, целый котел наварнул бы. И вообще... С чего это ты сегодня завелась? Я ж тебе сказал, что у меня завтра с головой плохо будет. А с

этим делом... Очень даже и ничего. Может, даже лучше, чем обычно.

Ольга рассмеялась, чмокнула его (на этот раз по-матерински — в лоб) и наконец-то выбралась из постели.

Распрощался Сашка со своей любимой в принципе так, как и хотел, — спокойно, не торопясь, разъяснив ей (по возможности) суть происходящего. Заснул глубокой ночью, приобняв свою любушку, Тимофеем Воронцовым-Вельяминовым, а проснулся поутру в лобовской лаборатории Александром Ремизовым-Ракитиным.

— С возвращением вас, Александр Вячеславович, — улыбаясь, приветствовал его Лобов. — Поздравляю с завершением сорокадвухсуточного слиперского полета и установлением абсолютного рекорда в этой области человеческой деятельности. Если не считать возвращения на пару часов на девятые сутки, то полет можно считать непрерывным. Что я и приказываю делать!

— Служу Отечеству, — ухмыляясь, отвечивал Сашка.

— Да будет вам ерничать... Как дети, ей-богу, — одернула их Вера, просматривая показания приборов. — Потрясающе! — воскликнула она. — Впечатление такое, как будто молодой здоровый человек проснулся после обычного восьмичасового сна! А как самоощущение, Саша?

Сашка поднялся и сел на кушетке, опустив на пол ноги.

— Кушать вообще-то хочется, — тоном капризного ребенка пожаловался он.

Все трое рассмеялись. То, что начиналось как эксперимент и продолжилось как боевое задание, наконец-то завершилось. И завершилось, судя по всему, успешно. По крайней мере, без ущерба для здоровья главного действующего лица.

— Ну-ну, полегче, — оборвав смех, предупредила его Вера. — Тебе, герой, сейчас даже ходить придется заново учиться. — И добавила, обращаясь уже к Лобову: — Роман Михайлович, я все-таки считаю, что реабилитацию лучше проводить на загородной базе. Тем более что там и бассейн небольшой есть. Да и... Сами говорили, что продолжать работу на «Микродвигателе» становится опасным.

Сашка с удивлением поглядел сначала на Веру, потом на Лобова.

— Да... был тут у нас... Один не очень приятный момент, — объяснил Сашке Лобов, поймав его взгляд. — Поподробнее я тебе потом об этом расскажу.

— Теперь, когда Саша вернулся, нам незачем держаться за эту церковь, — продолжала Вера, видимо, имея в виду храм, в котором находилась могила Осляби и Пересвета.

— А я уже ее и не использую, — поддержал Веру Сашка. — Я теперь как выхожу из портала, так уже и сам чувствую, куда мне двигаться.

— Что ж, — согласился Лобов, — тем лучше. Будем перебираться на загородную базу, а с Ниной Федоровной решим вопрос потом. А пока и она пусть отдохнет.

В конце девяностых один из благодарных клиентов рассчитался с Лобовым бартером. Сделка была выгодна для обеих сторон. Счастливый директор одного из калужских заводов, которому Роман Михайлович помог сохранить завод в собственности, рад был избавиться от надоевшей ему «социалки», а Лобов приобрел, таким образом, отдельно стоящий корпус санатория-профилактория одного из калужских заводов. Земельный участок вокруг здания был не очень велик, но для прогулок под сенью кленов и лип его вполне хватало. Оставшуюся территорию санатория владелец впоследствии распродал под строительство коттеджей, впрочем, как продал он и сам завод, перебравшись на ПМЖ то ли в Лондон, то ли в Ниццу, а то ли и еще куда-нибудь подальше.

Лобов же за прошедшие годы обнес участок высоким забором (как же в России без забора-то?), подремонтировал здание и завез туда кое-какое оборудование, превратив, таким образом, бывший заводской профилакторий в весьма приличный реабилитационный центр, пригодный и для работы со слиперами, и для их реабилитации, и для проживания полутора десятков человек. Одна беда — находилась вся эта прелесть далековато от Москвы. Каждый день туда не наездишься, вот и приходилось использовать для работы лабораторию на «Микродвигателе». Но случай с Ракитиным

был исключительным: сорок два дня — это вам не шутки. Здесь восстановлением работоспособности организма необходимо заниматься со всей серьезностью. Собственно, именно для таких случаев Лобов и готовил свою загородную базу.

К восстановительным процедурам Сашка приступил охотно, не отлынивая и не сачкуя. В бассейн бултыхнулся сразу же после переезда, на второй день начал передвигаться без посторонней помощи, на третий — стал работать с утяжелениями, на четвертый — уже ходил как ни в чем не бывало на пятый — пробежал первый кросс, а ровно через неделю доложил Лобову, что готов к новому заданию.

Вера, страхуясь, требовала продолжить восстановление еще хотя бы недельку, но в глубине души была согласна с Сашкой — он уже был в форме, которая позволит ему выдержать еще не один десяток суток в слиперском полете. Каждый человек, говорят, обязательно талантлив, но только каждый по-своему. Надо лишь обнаружить этот талант и дать ему раскрыться. Талант же Саши Ракитина заключался в его здоровье. Он был талантливо здоров. Был ли этот талант врожденным либо благоприобретенным, Вера не знала, но в том, что более здоровых людей ей еще встречать не приходилось, она была уверена. Да и с интеллектом после задания у него все было в полном порядке. Контрольные тесты он выполнил даже лучше, чем до погружения в слиперский полет. Создавалось такое впечатление, что за прошедшие сорок два дня полета он получил такой опыт, благодаря которому мыслить стал быстрее, четче и, если можно так выразиться, эффективнее. Так что на работе мозга полет сказался самым положительным образом.

И конечно же прошедшая неделя была заполнена не только физическими упражнениями и восстановительными процедурами, но и регулярными беседами с Лобовым. Сашка самым подробнейшим образом рассказал ему о своем пребывании в четырнадцатом веке и контактах с Некоматом-Рыбасом и его людьми. Особенно тщательно они разбирали Сашкину беседу с Кихтенко, а также сведения, полученные в ходе этой беседы. Учитывая, что закончилась эта

беседа бегством Кихтенко, Лобов взвешивал и многократно оценивал каждую крупницу информации, полученную от него. Что здесь правда, а что наглая и бессовестная ложь?

— В конце концов, — заключил Лобов, — мы теперь знаем главное: они смертны. Ты это убедительно доказал. Биджамов, который умер у вас под пытками...

— Гм, — смущенно хмыкнул Сашка.

— Давай без сантиментов, — спокойно предложил Лобов. — И без ложной стыдливости. Они с нами не цацкаются. Еще десять—двадцать лет, и мы навсегда потеряем свою страну. Так вот... Биджамов умер и здесь, в двадцать первом веке. Больше ни в какой новой роли, ни с какой новой легендой он не появлялся. Я это дело специально отслеживал. К сожалению, тех двоих, заgrimированных под Некомата, которых ты не сумел идентифицировать, и я не отследил. Кстати, возвращаясь к показаниям Кихтенко... Он тебе сообщил, что выбросило их к нам в количестве одиннадцати душ, вернее, «рыбасоидов».

— «Рыбасоидов»? — удивился Сашка.

— Да, мы их так теперь называем. Ну не называть же их людьми! Да... Здесь он однозначно соврал. Одиннадцать, включая Рыбаса-Некомата — это руководство. Теперь, исключая Биджамова, их десять. Рядовых же «рыбасоидов» на сегодняшний день — четыреста двадцать восемь. Кстати, за последний месяц их количество увеличилось на семьдесят восемь... единиц. Похоже, на нашу активность в прошлом они решили ответить интенсификацией своей подрывной деятельности в настоящем. Во всяком случае, в последнее время их количество катастрофически быстро стало расти. Информация на них собрана у меня в отдельном файле. С их фотографиями, кстати. Потом ознакомишься, чтобы запомнить их физиономии. Тогда у нас уже не будет проколов с «неопознанными».

— Столько лиц мне не запомнить, — испугался Сашка.

— Ерунда, запомнишь, — успокоил его Лобов. — Мы тут с Верой разработали методику расширения памяти... Как раз на тебе и опробуем. Так вот... По поводу единовременного попадания к нам «рыбасоидов», а также их коли-

чества Кихтенко, конечно, соврал. Более того, они его наращивают.

— Блин! — вскричал Сашка. — Ясен пень... Извините, Роман Михайлович. Понятно, что соврал. Да у них портал в Сходненском ковше, вот они через него и шныряют. А все эти темные материи, темные энергии, взрыв экспериментальной установки и прочее... Ерунда это все, Роман Михайлович. Лапшу он мне на уши развесил, как лоху последнему.

— Ну не скажи, — не согласился с ним Лобов. — В том, что они существуют одновременно в нескольких временных измерениях, мы с тобой убедились. Не уверен, что в шести, но в двух точно. А портал? — Лобов улыбнулся. — Ты говоришь об этом так легко, как будто это калитка на задний двор. Эх, — вздохнул он. — Нам бы со всей этой тарабарщиной к физикам серьезным обратиться...

— А что, — поддержал Сашка, — это идея.

Лобов вновь тяжело вздохнул.

— К сожалению, должен констатировать, что среди наших врагов не только «рыбасоиды», но и наши с тобой, Саша, сограждане и соотечественники. И я совсем не уверен, что они, узнав, кому на самом деле служат, тут же встанут на нашу сторону. Уж больно сладко им при «рыбасоидах».

— Предатели, сволочи, — злобно прошипел Сашка. — Вот кого мочить надо без всякого сожаления!

— Боюсь, что таких не один десяток тысяч наберется. Так что идея обратиться к физикам хороша, но неосуществима по соображениям безопасности. Тут и так не знаешь, из-за какого угла пулю схлопочешь, а любое расширение круга доверенных лиц чревато самыми печальными последствиями. Я уже упоминал, что они вышли на нашу лабораторию на «Микродвигателе». Как потом выяснила Нина Федоровна, конкретной информации о нас у них не было. Так... Прочесывали густым гребнем. Но мы не стали дожидаться, пока за нас возьмутся основательно и решили вопрос с этими прихвостнями «рыбасоидов».

— Вот это правильно! — поддержал Сашка.

— Сейчас прямой угрозы лаборатории на «Микродвигателе» вроде бы нет, но... Если они пришли туда один раз, то обязательно придут еще. Мы лишь ждали твоего возвращения из прошлого, чтобы ликвидировать там свою лабораторию.

— Так с этими Нина Федоровна... постаралась? — поинтересовался Сашка.

Лобов утвердительно кивнул.

— Здорово! Послушайте, Роман Михайлович, а что, если их всех вот таким вот макаром... А?

— Не получится, Саша. Их руководство защищено самым надежным образом. Их сознание для нас заблокировано. Проникнуть туда не удастся никаким образом. А Рыбас помимо этого еще обладает способностью видеть духовно-нематериальную сущность нашего слипера. Более того. Он командует некими сущностями, стерегущими его, как цепные псы. Он их извлекает из воздуха, как из собственного кармана. — Лобов покачал головой. — Думаешь, не пробовали? Пробовали. Валентин едва жив остался. А рядовых «рыбасоидов» устранять... Они лишь всполошатся и примут меры. Ну, уберем десяток «рыбасоидов», пожертвовав нашими слиперами. Нет, Саша, это не выход. В настоящем мы можем им лишь вредить по мелочи, стараясь затормозить их ползучую экспансию. Вся надежда на прошлое. Ведь ты там не обнаружил у Рыбаса тех качеств, о которых я говорил. Если бы он ими тогда обладал, ты бы обязательно это почувствовал.

Сашка пожал плечами.

— Вроде бы нет. Хотя... Вещая Гота говорила, что он способен повелевать духами, но увидеть что-то подобное мне не довелось.

— Вещая Гота — это та самая ведьма, что помогла тебе вернуться в прошлый раз? — уточнил Лобов.

— Ну да... Хотя она не то что ведьма... Типа экстрасенс-целитель. Короче говоря, в той части Норвегии, где она живет, она в большом авторитете.

— А в Норвегию-то тебя как занесло, Саша?

— Так за чертовым Рыбасом-Некоматом гнался, вот и оказался там. Понимаете, Роман Михайлович, так сложилось, что либо я сижу под следствием по делу о государственной измене, либо ловлю Некомата. Я конечно же выбрал второе. Некомат мотанул в Англию. Я, естественно, за ним. Ну а в море наш корабль потерпел крушение. Как раз у берегов Норвегии, недалеко от Тронхейма. Подобрал нас местный барон. Тот еще разбойник, я вам скажу. Но это к делу не относится... хотя... Месяц пришлось там у него потерять.

— А что Рыбас?

— Так Вещая же Гота и помогла. Она подсказала, где найти мужичка, имеющего серьезную компру на Рыбаса. Звать его Осип Жидовин.

— Нашел?

— Нашел. Пришлось пол-Европы объездить. Но показания мы серьезные на Рыбаса нарыли. Так что фигурантом в деле о государственной измене вместо меня стал Некомат в тот самый момент, когда я в столицу вернулся и с Дмитрием встретился. Некомата тут же в международный розыск, говоря по-современному, объявили, имущество все его было велено конфисковать в казну, а всех сотрудников арестовать и доставить в столицу для следствия.

— Крутенько...

— Да, — согласился с Лобовым Сашка. — Толку только не было. Вот сейчас бы так...

— Хм... — усмехнулся Роман Михайлович. — А что тот мужичок, обладатель компры? Нельзя ли было его еще использовать?

— Осипа? Так думаете, кто мне Кихтенку с Биджамовым сдал? Он. Считайте, мой человек.

— Неплохо. Но... — Лобов сделал небольшую паузу. — Скажи, Саша, а ты уверен, что тот же Дмитрий и его соперник Иван Вельяминов не ведут с тобой двойную игру? Ведь и тот и другой активно сотрудничали с Рыбасом.

— Уверен. Однозначно, Роман Михайлович. Он и того и другого использовал втемную. Цель — устроить междоусобную войну. Чем грандиознее, тем лучше. Вот, правда, зачем

ему это нужно, каков его выигрыш в этом случае, я, честно говоря, так и не понял.

— Что ж... Вот тебе и первое задание для нового полета.

— Кстати, о задании, Роман Михайлович. Вы уже придумали, куда именно будете меня засылать? — не давая Лобову ответить, Сашка взял инициативу на себя. — Предлагаю вернуться в ту же эпоху. Там у меня вроде как все схвачено. Правда, пока неизвестно, где их искать, этих «рыбасоидов». Ну а в любом другом времени? Все то же самое. Только... Неизвестно, кем удастся устроиться. Окажусь вдруг каким-нибудь... смердом. А здесь я все-таки великий воевода как-никак. Вам, конечно, решать, но я уверен, что это самый перспективный вариант.

Лобов слегка задумался, перед тем как ответить. Похоже, он так и не заметил Сашкиной личной заинтересованности, выразившейся в излишней настойчивости и горячности в отстаивании своей позиции.

— Меня смущает лишь одно, — начал он. — То, что ты мне рассказал о князе Дмитрие, о Мамае, Куликовской битве, как-то не очень вяжется с тем, чему нас учили. Вроде бы события все те же, но повернуты они под таким углом, что превращаются в свою противоположность. Может быть, это параллельная ветвь истории? Знаешь, есть такая теория, что в точках бифуркации, в момент принятия ответственного исторического решения, история раздваивается, растранивается и т. д. То есть сколько вариантов принятия решений, столько и вариантов последующего развития ситуации. И все эти варианты потом сосуществуют параллельно и одновременно.

— Слышал, — утвердительно кивнул Сашка.

— Так, может быть, мы находимся сейчас на одной ветви развития, а ты, вернувшись в прошлое, попал на параллельную?

— Нет, Роман Михайлович, — уверенно возразил ему Сашка. — «Рыбасоиды» и здесь, и там. А они ребята практичные. На всякие там параллельные ветви разбрасываться не будут. Даже если эта ваша теория и верна, то «рыбасои-

ды» выбрали именно нашу ветвь. Так что то, о чем я вам рассказал, — это наше с вами прошлое.

— Но тогда... Не было никакого двухсотпятидесятилетнего ига, русские не были ничьими рабами, а, наоборот, были хозяевами мира! — чуть ли не вскричал Лобов. — Ведь это все меняет! Это меняет в первую очередь нашу самооценку! Но... как вкралась эта ошибка в историю? И вообще — ошибка ли это? А может...

Сашка почувствовал, что Лобов сейчас углубится в философствования на тему смысла истории и совершенно позабудет о том, что уже почти согласился с Сашкой в выборе объекта для нового задания. А вот этого он никак не мог допустить. О том, что Ольга ждет не дожидается своего возлюбленного, он не забывал ни на минуту.

— Роман Михайлович, — оборвал он его, — так вы согласны со мной, что в том самом времени, в котором я уже побывал, у меня наивысшие шансы добиться успеха?

— А?.. Да, в принципе согласен. Нам надо только с тобой подумать и наметить конкретные мероприятия по розыску «рыбасоидов». Начинать, я думаю, надо с портала. Так или иначе, все вертится вокруг него. В настоящем я тоже попробую организовать за ним наблюдение, но у тебя в прошлом возможности-то гораздо шире. Давай-ка посидим, подумаем и набросаем тебе план первоочередных мероприятий.

— У меня, Роман Михайлович, по графику через пять минут бассейн.

— Ну и ладно. Иди в свой бассейн, а я пока подготовлю свои предложения, — согласился Лобов. — Вернешься, обсудим.

Восстановление и подготовка к новому полету заняли девять дней. Еще два дня ушли у Сашки на поездку в Питер, к матери. Ей пришлось соврать, что в Москве он случайно нашел очень перспективную, но совершенно секретную работу и что, благодаря этой работе, ему, очень даже может быть, удастся восстановиться в институте без потери курса, несмотря на другую фамилию. Условия его новой работы таковы, что звонить ему не следует, а связываться он с ней будет сам, когда обстоятельства позволят. Мать, конечно,

была расстроена столь краткой встречей с сыном, но ничего не поделаешь. Как говорится, птенцы вырастают и покидают родное гнездо.

Сашке, безусловно, было жаль ее, но выбор между матерью и любимой женщиной, он, как и большинство мужчин, сделал в пользу любимой. У него сердце кровью обливалось, когда он представлял, как страдает Ольга, видя каждый день, в какое убожество превратился ее возлюбленный Тимоша. А каждый день в этом времени — это почти месяц в прошлом. По крайней мере, так было за первые восемь суток. Сашку еще больше пугал окончательный расклад времени там и тут, полученный в результате его первого полета. В прошлом он провел шестьдесят три месяца, потратив на это сорок два дня в настоящем. А это уже почти полтора месяца за сутки. Но он себя пытался утешить доводом типа: «Время штука сложная, никем не познанная. Даже физики, как говорит Лобов, слабо представляют, что такое время. Похоже, что штука эта очень даже нелинейная, и как и каким боком она к тебе обернется, абсолютно неизвестно. Может быть, в этот раз на одни сутки здесь придется всего лишь неделя там, а то и того меньше. Тогда Ольге не так уж и долго ждать придется».

Как бы то ни было, но в новый полет старший сержант запаса Ремизов-Ракитин рвался с такой энергией, что удержать его не было никакой возможности. Да и зачем, собственно, удерживать, если человек здоров и готов во всех смыслах к выполнению задания?

Сразу же после возвращения Сашки из Питера Лобов погрузил его в новый сон. Эмоции, которые при этом испытывал нетерпеливый влюбленный, наверное, можно было сравнить с ощущениями первого человека, отправившегося в космос. Переполняемый радостными предощущениями Саша Ремизов-Ракитин заснул в лобовской лаборатории, а Тимофей Воронцов-Вельяминов проснулся... непонятно где. Нет, это явно было то самое, нужное ему время, но комнаты, в которой он проснулся, он не узнавал. А рядом с ним, присев на край его кровати, была не Ольга Тютчева, а Фленушка-Гертруда.

Сашка не виделся с ней что-то около пяти лет, с того самого момента, когда он, покинув вельяминовское гнездо, отправился в Кострому. С тех пор жизнь его несла как бурлящий горный поток, швыряя от одного опасного препятствия к другому. И Фленушка не то чтобы забылась, нет, скорее провалилась куда-то на периферию сознания. Теперь же она сидела на его кровати, как будто и не было пяти лет разлуки и забвения. За эти пять лет она заматерела и слегка располнела, превратившись из смазливой девчонки в настоящую красавицу.

— С добрым утром, Тимоша, мил-дружок! — Ее мягкая белая ручка нырнула под одеяло и легла Сашке на голую грудь, осторожно заскользила вниз по животу и, наконец наткнувшись на то, что, видимо, и искала, остановилась. — Ах, какой ты неугомонный, Тимоша! Ты опять хочешь меня? — Она лукаво рассмеялась и прилегла на кровать, пристроив голову на Сашкин живот. — Нет, уже утро, малыш, нельзя. Пора вставать, завтрак скоро.

Теперь, когда она прилегла, Сашка рассмотрел, что ее полнота — это не просто полнота, а самая что ни на есть беременность. От дикости и неожиданности происходящего он, казалось, потерял дар речи. Попробовал было возмутиться бесцеремонностью бесстыжей бабы и сказать ей, что их отношения пятилетней давности никак не дают ей повода для подобного поведения в настоящем, но у него изо рта вырвалось лишь нечленораздельное:

— Э-э-э...

Сашка заерзал на простыне, пытаясь вырваться из ее цепких пальчиков, что вызвало новый смешок этой прекрасной хищницы. Наконец-то ему удалось откашляться и, напрягая занемевшие голосовые связки, хрипло выдать:

— Фленушка, что ты здесь делаешь? Оставь меня в покое и убирайся отсюда поскорее, пока сюда не зашла Ольга!

— Заговорил! Заговорил! — Она наконец-то вытащила руку из-под одеяла, вскочила с кровати и громко захлопала в ладоши, едва не подпрыгивая от радости.

— Тс! — зашипел Сашка. — Не ори! Ольга услышит! Быстрей уходи отсюда!

— Ну что ты, Тимоша. — Она перестала улыбаться и хлопать в ладоши. — Какая еще Ольга? Нет никакой Ольги. Теперь ты со мной.

II

Во всем немалом хозяйстве Вельяминовых с самого утра царила суэта, обычно присущая приготовлениям к большому празднику. Хотя, если судить по календарю, время для этого выбрано не самое обычное. Пасху уже отгуляли, до Троицы еще далеко, но Манефа-ключница, всем своим видом утверждая истину, что порой врут и календари, появляется тут и там, гремит ключами, грозным голосом раздает указания и рассылает посыльных. На скотном дворе в смертельном ужасе визжат отобранные для забоя поросята, птичницы среди гогота, кряканья и хлопанья крыльев отлавливают обреченных на заклание курочек, уток и гусочек. Ватага дворовых мужиков с двумя бреднями отправлена Манефой на пруды за свежими карпами, а дед布鲁нок распечатывает уже третий кувшин с многолетним медом и снимает с него пробу. Дворня носится туда и сюда по делу и не по делу, и по всему обширному поместью Воронцовых-Вельяминовых ползет шепоток: «Великий воевода вернулся».

Всем конечно же известно, что великий воевода никуда не уезжал, а жил все это время в родительском доме, на женской половине, чтобы не попасться ненароком на глаза случайным людям да болтливой дворне. Порой он даже выезжал покататься на бричке в сопровождении Манефиной помощницы Фленушки. Покататься, посмотреть на растущий, как грибы после дождя, град Москву, себя показать. На козлах обычно восседал дед布鲁нок — правил лошаадьми, а сопровождали бричку шестеро конных казаков. Ох и люты казаченьки! И на десять шагов не давали никому к бричке приблизиться — попросить чего-нибудь у великого воеводы либо поглазеть на него за просто так.

Но все-то свои все равно знают, что великий воевода не в себе — слова разумного толком сказать не может. Только зря

боярыня Марья развела такую опаску и осторожность. На Москву возить — показывать люду живого и здорового великого воеводу — это понятно, это правильно. Но из своих, из дворовых нешто кто когда кому чужому скажет, что великий воевода умом ослабел? Да ни в жисть!

И вот настал неурочный день, и боярыня Марья объявила великий праздник, и пошла Манефа-ключница по всему хозяйству, раздавая указания, и захопотала то тут, то там Манефина помощница Фленушка. И пополз по двору шепоток: «Великий воевода вернулся». А великий воевода в это самое время сидел в комнате своей матушки и безуспешно пытался с ней поссориться.

Сашка, раздраженный и злой, добрался до комнаты боярыни Марьи Ивановны первым, но она каким-то непостижимым образом уже знала главную новость сегодняшнего утра.

— Матушка, зачем же вы... — начал было Сашка, но боярыня Воронцова, не давая ему договорить, подошла, расцеловала, притянула к себе, прижала голову сына к своему плечу, заставив того согнуться в полупоклоне.

— Здравствуй, сыночек. А я ведь знала, я чувствовала, что скоро... Ну спасибо Пресвятой Деве да Николе Угоднику. — Одной рукой она прижимала Тимофееву голову к себе, а второй размашисто крестилась на образа.

— Матушка... — издал полузадушенный всхлип Сашка.

— Фу-ты, чуть не задушила на радостях сыночка своего ненаглядного, — спохватилась Марья Ивановна. — Садись, Тимоша, садись, побеседуем.

— Матушка, — вновь начал он, усевшись на стул, — зачем вы меня...

— Ах, Тимоша, — прервала она его, — ты, наверное, расстроен тем, что я тебя домой забрала? А как мне было не забрать? Ты же знаешь, я сынов без своего пригляда стараюсь не оставлять. А тут из Тушина известие получаю, что Тимоша мой опять... заболел. Ну, понятное дело, отправилась я в гости к боярыне Тютчевой — сыночка своего проведать. А ты и в самом деле плох. Очень плох. А Ольга твоя и не знает, что с тобой делать. А я знаю! — Здесь Марья Ивановна воз-

высила голос и пристукнула кулаком по столу: — Вот я тебя домой и забрала!

— Но, матушка...

— Кто лучше матери знает, что сыну ее нужно? — Этот вопрос даже не успел повиснуть в воздухе. Сашка едва лишь открыл рот, как Марья Ивановна уже ответила сама себе: — Никто. Ты прошлый раз как с Фленушкой закрутил, так сразу и в разум вошел. Вот я и сообразила, что тебе нужно, каким лекарством болезнь твою лечить. Поэтому домой тебя и забрала. А уж Фленушка расстаралась. Пузо видел?

Сашка растерянно кивнул.

— А...

— Надеюсь, еще одного сыночка тебе родит.

— К-как еще одного? — Наконец-то Сашке удалось вымолвить законченную фразу.

Марья Ивановна поднялась, прошла к двери в другую комнату, приоткрыла ее и что-то кому-то там сказала. Из-за двери появился мальчишечка лет четырех и, испуганно уставившись на Сашку, ухватился за бабкину юбку.

— Поди, поздоровайся с тятенькой, — сказала Марья Ивановна, склонившись к нему.

Мальчишка, отпустив бабкин подол, подошел к Сашке и смело забрался к нему на колени:

— Тятя, тятя, а на лошади научишь?

Глядя на это белобрысое, васильковоглазое, хлопающее пушистыми ресницами существо, Сашка буквально потерял дар речи, совершенно не зная, что ему ответить на столь простой вопрос.

— Научит, конечно, научит, Василек, — ответила за растерявшегося Сашку Марья Ивановна. Она подошла к сыну, ловко подхватила на руки внука и отнесла его к двери. Опустив на пол, ласково хлопнула по попе, напутствовав словами: — Поиграйся пока с няньками, пусть они тебя на деревянной лошадке покатают, а тятенька после с тобой поиграет.

— Не хочу с няньками, не хочу на деревянной, — захныкал малыш, но Марья Ивановна уже прикрыла дверь и, вернувшись к Сашке, вновь расположилась в своем кресле.

Встреча с маленьким незнакомцем, назвавшим его тятей, буквально потрясла Сашку. Нет, естественно, он представлял, что шутки шутками, но могут быть и дети. Однако представлял, можно сказать, чисто теоретически. Вдруг ни с того ни с сего оказаться отцом некоего чудесного создания, которое надо кормить, растить, заботиться, воспитывать — нет, к такому повороту он был не готов. Мало ему сегодня Фленушкиной беременности, которой она обязана, как говорят, именно ему, так оказывается, что у него уже имеется сын Василек четырех лет от роду. «Нет, это не я, — воспротивился происходящему Сашка. — Я ни при чем. Это все дурачок Тимофей. А я... А мне... Мне не нужны никакие дети! Я не планировал никаких детей! Я ни за что не отвечаю! Я и не контролировал этого безумного Тимошу, когда он тут направо и налево...» Но тут вдруг у него прорезался внутренний голос и этак гаденько проскрипел: «Сейчас не контролировал, согласен. А пять лет назад кто Фленушку соблазнил? А она ведь еще совсем девчонкой была, несовершеннолетней еще. По законам твоего времени знаешь, что за это полагается? Здесь же законы не так строги, нравы зато гораздо строже, чем у нас». «Да ты что, статью мне шьешь? — возмутился Сашка. — Да она сама, если хочешь знать...»

Он настолько увлекся этим диалогом с собственным внутренним голосом, что принялся даже жестикулировать. Марья Ивановна, с испугом глядя на сына, воскликнула:

— Тимоша! Что с тобой? Уж не вернулась ли опять болезнь?

— А?.. Нет, нет, матушка, это я так...

Она внимательно взглянула на сына и, заметив, что его взгляд вновь стал осмысленным, продолжила:

— А Микулин сыночек помер этой зимой. А ведь больший уже был, десятый годок ему шел. Простыл, видимо, с мальчишками играючи. Недосмотрела я. — Боярыня Вельяминова, похоже, чувствовала ответственность за все, что происходит в этом доме. То, что у мальчика была еще и мать, дела нисколько не меняло. — Две недели в жару ребенок метался. Уж чего только наш лекарь не делал! Все без толку. И по окрестным селам всех лекарей да бабок-знаха-

рок собрали. Ничего не помогло. Сгорел мальчишечка. Фленушка твоя...

— Она не моя, матушка! — с истеричной ноткой в голосе перебил ее Сашка.

— Фленушка твоя даже умудрилась в Москве немчина-лекаря отыскать. Все одно — не помогло. — Она тяжело вздохнула. — Один ты остался, Тимофей, мужчина в нашем роду. Мамай да Микула ушли — сыновей после себя не оставили. Ты — все никак жениться не хочешь. А ведь все под Богом ходим. Ты же, Тимофей, — человек военный. Сколько раз на волосок от смерти был, сам знаешь. А как в следующий раз будет? То нам знать не дано. Смотри, пресечется наш великий род, засохнет старшая ветвь воронцовского дерева. — Она перевела дух, сурово взглянув на Сашку. — И в том не моя вина и не отца твоего. Мы трех сынов родили и выпестовали, а вы... — От огорчения она даже махнула рукой. — Нет, ты как хочешь, Тимофей, а я признаю Василька своим внуком и наследником. Пусть он и незаконнорожденный и от крестьянки рожден. И второго, если Фленушка сына родит, тоже признаю. (Сашка на эти слова лишь пожал плечами. Да пусть делает, что хочет, ему-то что?) Она, Фленушка, вообще-то неплохая бабенка. Была б она благородных кровей, пусть хоть из самого захудалого рода — женила б тебя на ней. — Сашка лишь протестующее всплеснул руками, но Марья Ивановна ничего не дала ему сказать. — Ты уехал тогда в Кострому, к князю Димитрию, а она тяжела от тебя осталась. Ну, мы с Манефой и выдали ее замуж. Муж неплохой, работающий. Крестьянин из нашего Воронцова. Я же ей вольную дала. А как родила она, так я опять ее к себе забрала, помощницей к Манефе определила. А мужика ее ты в прошлом году в ополчение забрал. Так он и остался там, на Кулишках.

— Значит, и Фленушка, и ребенок все эти годы жили здесь, в доме? Почему же я раньше их не видел? — удивился Сашка.

— А ты дома-то бывал толком? Ведь все в делах, все в делах, а потом, как времени свободного стало больше, так ты его все с Ольгой Тютчевой проводил.

— Матушка, я насчет Ольги хотел...

— А что Ольга? — вновь перебила его суровым тоном Марья Ивановна. — Я ей отдала здорового сына, умника, великого воеводу, окольного, а кого получила? Тимошу-убогого!

— Матушка! Да при чем тут Ольга?! — взорвался Сашка.

— Не знаю я, кто здесь при чем. Знаю лишь, что Фленушка, благодаря любви своей беззаветной, уже второй раз твой разум из темноты беспросветной на свет Божий выводит. И ведь простая дворовая девка, из смердов самых что ни на есть, а такое большое, высокое чувство ей Пречистая Дева подарила... Если б эта Ольга тебя так любила, ничего плохого с тобой бы не приключилось.

Не выдержав, Сашка вскочил на ноги.

— Я...

— Сядь! — рявкнула боярыня так устрашающе, что Сашка на мгновение вновь почувствовал себя зеленым новобранцем, стоящим в строю перед грозным комбатом подполковником Кубасовым. — Я все понимаю, Тимоша, — сменила она гнев на милость. — Поедешь к ней завтра. А сегодня у меня праздник. Да и... Ты уж не сердчай на меня, сынок, но дела-то, с которыми только тебе и разбираться, поднакопились. Ох поднакопились... Восьмой месяц уже идет, как я тебя от Ольги забрала да от людей прячу. Так что нет у тебя особо времени-то в Тушине прохлаждаться. Князь Димитрий в Орду собирался — за тобой прислал. Я сказала, что ты сильно болен, уже одной ногой на том свете, считай, стоишь. Посланный боярин Федор Кошка уж как добивался на тебя посмотреть, но я его к тебе не допустила. Одно дело, когда человек выздоровел после тяжелой телесной болезни, а другое — когда он впал в убожество, а потом вдруг вновь в разум вошел. Нет такому человеку полного доверия. Но я-то знала, была уверена, что Фленушка тебе разум вернет. Зачем же буду я тебя позорить перед каким-то боярином Кошкой? А он все великому князю доложит да присным его. Да приврет еще, да приукрасит... Кто ж после этого великого воеводу всерьез воспринимать будет? Так и не показала ему тебя. Князь Димитрий небось зол и обижен. Боюсь, видит

он с нашей стороны большую каверзу. А тут еще Москва растет как на дрожжах. Улица за улицей, слобода за слободой. Сбегаются отовсюду людишки, строятся, ремесло свое заводят, торговлишку какую-нибудь. И ведь это все беглецы от податей государственных. А среди них, не дай бог, и смерды беглые небось есть. И все у нас в захребетниках¹ числят себя. Землица-то наша. А как с нас князь Димитрий спросит? А он точно спросит, как увидит, какой город здесь вырос? — Она сделала небольшую паузу, размышляя. На этот раз Сашка даже и не подумал воспользоваться возникшей паузой, чтобы попробовать в очередной раз выкрикнуть о своей любви к Ольге Тютчевой. — Самое простое, конечно, было — запретить вновь селиться, и тех, кто уже поселился, гнать поганой метлой. Но так поступить я не могла. Ведь сын мой основал сей город не с бухты-барухты. О чем-то он думал в тот час, о чем-то мечтал, чего-то хотел... — «Слишком хорошего мнения вы обо мне, Марья Ивановна», — отметил про себя Сашка. — Да и город этот, Москва, растет сам собою не просто так. Ведь никто в него людей не зазывал, никто никого пряником не заманивал. А люди все селятся и селятся. Значит, на то есть причины особые и Божья воля. Как же я против Божьей воли-то пойду? — «Большого государственного ума женщина. Не нам, сопливым обормотам, чета. Вот бы кому быть великим князем Владимирским», — подумалось Сашке. — Надо с Москвой что-то делать, сынок. Как-то в законное русло направить. Я уж не говорю про то, чтоб в наших владениях суд рядить, да хозяйство вести, да оброк да подати собирать — с этим сама справлюсь. — Она хитро улыбнулась. — Ну что? Нагрузила я тебя? Ничего. Глаза боятся, а руки делают. Вот отгуляем сегодня, а завтра начнем дела делать. — И без всякого перехода вдруг сообщила: — А у нас Остей гостит.

— Какой еще Остей? — удивился Сашка.

— Ну как же, ты ж с ним знаком. Сын дядьки Федора Воронца.

¹ За х р е б е т н и к — крестьянин или ремесленник, имеющий особый договор с владельцем земли, на которой он поселился. По этому договору налоги и подати государству платит за него землевладелец.

— Иван?

— Ну да. Крестное имя у него Иван, а я все по старой привычке семейным именем его зову Остей да Остей, чтоб со своим Иваном не путать. Он из своего черниговского имения ехал в Кострому, ко двору великого князя. Заехал к нам погостить, а я его чуток подзадержала.

— Здорово! Надо будет с ним потолковать. — У Сашки моментально родилась идея. Ему самому с Москвой возиться неохота да и недосуг. А что, если попробовать, говоря современным языком, повесить этот вопрос на ближайшего родственника, на Ивана Воронца? Идея Сашке понравилась, и он тут же поспешил поделиться ею с Марьей Ивановной. — Матушка, а может быть, предложить ему стать московским головой? Все ж таки свой человек.

— Что ж, поговори с ним, сынок, — соглашаясь, кивнула она и вновь улыбнулась. — Но Остей не единственный, кто тебя дожидается.

— Кто ж еще?

— Адаш. Неделя уже как приехал. — Вот это новость так новость! Уж никак Сашка не ожидал встретить старого друга и наставника, покинувшего московские места вроде бы навсегда. Обрадовавшись, он уже вскочил на ноги, готовый бежать, но Марья Ивановна остановила его жестом. — Погоди, сынок. Адаш с женой приехал.

— Ну?! Все-таки разыскал свою Куницу старый черт!

— И дочь-невеста с ними. Хороша девка, но... Одно плохо.

— Что?

— То, что замуж-то ее никто не возьмет.

— Почему?

— Потому что, похоже, у ее отца и гроша ломаного за душой нет. — Марья Ивановна неодобрительно покачала головой. Оставалось только догадываться, что именно она не одобряет: то ли то, что Адаш нищ, то ли то, что, будучи нищим, он посмел приехать к своим бывшим сюзеренам. — Адаш мне поклонился, тебя спросил. Но я к тебе никого не допускала, вот и Адаша не допустила. Он расстроился, уезжать хотел. Но я чувствовала, что ты вот-вот выздоровеешь,

материнское-то сердце — вешун, и говорю ему: «Ты подожди, Адаш, несколько дней, я чую, знаю, что сынок мой со дня на день поправиться должен». Вот он и гостит пока у нас. — Она заметила, что сын вновь собрался сорваться с места, и остановила его. — Погоди, погоди... Не знаю я, о чем он хотел говорить с тобой, но я тебе свое мнение скажу. Нехорошо это, когда наш старый слуга, не один десяток лет за наш род пот свой и кровь проливавший, на пороге старости нищим остается. Еще тогда, когда он в Орду возвращаться надумал, я тебе говорила, что не дело это. Нехорошо.

— Так и я то же самое ему говорил, — поддержал ее Сашка.

— Поэтому хочу с тобой сейчас это дело решить. А то потом закрутимся в праздничных хлопотах, а завтра ты к Ольге своей улепетнешь... Я тут приготовила список деревень... Деревни все недалеко. Я так полагаю, что ты не хотел бы его далеко от себя отпускать. — Она открыла ящик своего рабочего стола, вытащила из него бумагу и протянула ее Сашке. — Выбирай. Вот и будет жалованье нашему Адашу.

На листе значились четыре названия. Под каждым из них находилась информация о количестве пахотной земли, количестве дворов и наличии тягла и прочей скотины в каждом дворе. Хозяева дворов были записаны поименно, а рядом — приписка о количестве детей и их возрасте. После этой информации данные об урожаях за последние три года смотрелись совсем уж обыденно. Сашке оставалось только в очередной раз удивиться организационным способностям этой женщины и восхититься ею. Он выбрал деревню, где сумма всех трех урожаев была наивысшей, и спросил:

— Путилки ... Где это?

— Самую дальнюю выбрал, верст двадцать от нас, — прокомментировала Марья Ивановна. — Есть и поближе.

— Зато урожаи самые богатые, — объяснил свой выбор Сашка. — Так как туда ехать?

— Сейчас, чертеж достану. — Марья Ивановна вновь полезла в свой стол, покопалась там и извлекла сложенную в несколько раз карту. Развернула, расстелила ее на столе. Отстраняясь назад и подслеповато щурясь, принялась водить

пальцем по карте. — Подойди погляди сам, я что-то не разберу — мелко написано. — (Сашка подошел и стал сбоку от стола, следя за ее пальцем.) — Надо ехать по Волоколамскому тракту. Тушино проезжаешь и... — Тут она оторвала взгляд от карты и, поворотившись к сыну, подняла голову вверх: — Так ты знал, негодник, да? Потому и выбрал? Опять, значит, собираешься у Тютчевых в имени пропадать?

— Как Бог свят! — Сашка перекрестился. — Ничего я не знал, матушка. Так где эти самые Путилки?

— Вот! — Она ткнула пальцем в карту. — Ая, дура, все-таки надеялась, что ты в родном доме жить будешь.

Деревня Путилки находилась на берегу Сходни, примерно на том же расстоянии от Сходненского ковша, где река делала сотни петель и зигзагов, что и Ольгино Тушино, но выше по течению. То есть эти места находились довольно-таки недалеко друг от друга. То, что Адаш будет с ним теперь, когда самым наиплотнейшим образом надо браться за портал, через который шныряют «рыбасоиды», обрадовало Сашку до чрезвычайности. Адаш и плечо подставит, и прикроет, когда нужно, да и совет толковый дать может.

В связи с пресловутым порталом пожалеть оставалось лишь об одном — о том, что рядом нет дьяка Безуглого с его сыскарями. Больше его о Сходненском ковше и портале, в нем открывающемся, не знал, пожалуй, никто. Но где теперь искать старого мастера интриг и тайных дел? Наверняка великий князь не обошел своим вниманием столь полезного человека. Такими кадрами не бросаются. Руководит, наверное, у Дмитрия разведкой или иностранными делами. А может, и еще чем-нибудь.

Сашка склонился к Марье Ивановне, обнял за плечи и поцеловал в висок.

— Матушка, я и дома буду бывать. Понимаете, дело не только в Ольге, хотя и в Ольге, конечно, тоже... — Он несколько замаялся, соображая, как ей сказать о портале и своем интересе к нему. — Вот здесь... — Сашка показал пальцем на карте, — находится такая штука...